

- ⁷⁹ См.: Ульянова Г.Н. Московские нищие // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1997. С. 140–158.
- ⁸⁰ Сперанский С. Указ. соч. С. 87.
- ⁸¹ ОР РГБ, ф. 70, карт. 32, ед. хр. 6, л. 4.
- ⁸² К.К. Грот как государственный и общественный деятель. С. 439.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. С. 440–441.
- ⁸⁵ Вестник благотворительности. 1897. № I. С. 34. См. также: Ди-Сеньи Н.К. К вопросу о пересмотре действующего законодательства об общественном призрении // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. Ч. 2. С. 123–135.
- ⁸⁶ Вестник благотворительности. 1897. № I. С. 31.
- ⁸⁷ Свод ответов земских и городских управлений на основные вопросы общественного призрения по запросу Комиссии 30 марта 1895 г. СПб., 1896.
- ⁸⁸ Вестник благотворительности. 1897. № I. С. 31.
- ⁸⁹ Комиссия по пересмотру законов о призрении бедных. Материалы по общественному призрению СПб., б.г.
- ⁹⁰ К.К. Грот как государственный и общественный деятель. С. 443.
- ⁹¹ Правительственный вестник. 1897. № 70. 28 марта (9 апреля).
- ⁹² ПСЗ II. Т. XVIII (1897). № 14152.
- ⁹³ Вестник благотворительности. 1897. № 9.
- ⁹⁴ Там же. С. 3.
- ⁹⁵ ПСЗ III. Т. XXIV (1904). № 24253. Ст. 24, 25, 31.
- ⁹⁶ Там же. Т. XXXIII (1913). № 39446.
- ⁹⁷ РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 928, л. 124.

© 2005 г. В. Н. САВЧЕНКО *

ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (этносоциальная ситуация по данным российского Министерства иностранных дел)

С началом Первой мировой войны вопросы национально-территориального размежевания в Европе приобрели особую актуальность. Они перешли из категории научных и общественно-политических проблем в плоскость межгосударственных отношений и начали служить целям обеспечения национально-государственных интересов заинтересованных сторон. В настоящем сообщении речь пойдет прежде всего об основных особенностях национальных отношений в Восточной Галиции, а также о перспективах воссоединения славянского населения края и России в начале XX в.

В отечественной литературе известны два, по сути, взаимоисключающих подхода к национально-политической истории Восточной Галиции рассматриваемого периода. Согласно одному из них, коренное восточнославянское население края – это часть малорусской ветви русского народа, а территория Восточной Галиции – часть русской национальной территории. Согласно другому, – это, соответственно, часть украинского народа и украинской национальной территории. Первый подход существовал в дореволюционный период, второй получил распространение с 1920-х гг. и мо-

---

* Савченко Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

нополюно господствует до настоящего времени, причем сначала этому помогала существовавшая в СССР цензура, а после распада СССР – сложная политическая конъюнктура, связанная со становлением независимости Украины.

Многую использованы материалы из архивов дореволюционного российского МИДа (в частности, его Особого политического отдела), отражающие официальную позицию России по вопросам национально-политической ситуации в Галиции. Они представляют значительный интерес прежде всего самой подборкой наиболее важных, ключевых для осмысления рассматриваемой темы документов, многие из которых к тому же проходили под грифом «секретно».

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. к Австрии отошли районы, составившие позже австрийскую провинцию Галицию. Ее восточную часть населяли униаты по вероисповеданию, которые в соответствии с глубокой исторической традицией считали и называли себя русскими («руськие»), а в литературе часто обозначались как русины¹. Западную часть Галиции населяло преимущественно католическое население, которое на основе вероисповедания относилось к полякам, хотя большая его часть по элементам языка, психологического и физического склада, а также национального самосознания сближалась с русинами. Исторически сложившееся господство польского помещичьего землевладения на всей территории Галиции явилось важным фактором формирования этносоциальной ситуации в крае. Господство польского элемента в экономической и политической жизни всей Галиции было фактически безраздельным, чему способствовала политика, проводимая правящими кругами сначала Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи. Для русинов, представленных лишь малоземельным крестьянством и униатским духовенством (в основном низшим), место в социально-классовой структуре и этно-религиозная принадлежность являлись почти тождественными понятиями. Укрепляя позиции австрийского элемента в сфере высшего управления в крае, австрийские правящие круги не противодействовали ассимиляторским устремлениям польских господствующих классов в отношении русинов. В то же время, учитывая непримиримую позицию польских помещиков и аристократии по отношению к этно-религиозным и социальным интересам русинов, а также рост социально-классовых противоречий, существовавших в Галиции между господствующими социальными слоями (практически исключительно польскими по национальному составу) и крестьянским населением (как униатским, так и католическим), австрийские правящие круги поддерживали разделение галицкого населения на два обособленных этно-религиозных лагеря.

В научной литературе термин «русины» закрепился прежде всего за восточнославянским населением Австро-Венгрии (размещавшимся в австрийских провинциях – Галиции и Буковине, а также в венгерской провинции Угорская Русь), обозначаемым в работах многих исследователей как малороссы – ветвь русского народа.

Интерес к Галиции со стороны российского внешнеполитического и военного ведомств начал проявляться еще в предвоенный период. В папках Особого политического отдела российского МИДа собраны достаточно полные сведения о национально-социальной ситуации и внутриполитическом развитии Галиции как накануне, так и в ходе Первой мировой войны. Документы единодушно и недвусмысленно констатируют, что Восточная Галиция была населена в основном русинами². В депеше из Вены российского представителя князя Л.П. Урусова от 29 мая (11 июня) 1910 г. сообщается, что их было приблизительно 3 млн человек. Это население «сознавало себя принадлежащим к семье Великого русского народа» и признавало свою национальную и культурную связь с Россией³. О принадлежности к русской национально-этнической общности коренного населения Восточной Галиции свидетельствуют все предвоенные и военные документы. Так, в докладной записке члена Государственной думы графа В.А. Бобринского* в МИД от 26 мая 1913 г. констатируется, что в Восточной Галиции проживает 3,5 млн, а в Западной – 200 тыс. русинов, которые на-

* Он в течение 5 лет лично изучал, в том числе и на месте, ситуацию в Восточной Галиции.

ходятся в культурном, политическом и экономическом порабощении у представителей других национальностей, а также «у групп политических дельцов мазепинского лагеря» (т.е. русинов антирусской проукраинской политической ориентации. – В.С.). При этом отмечается, что местные русские относятся к малороссийской ветви русского народа⁴. О том же говорилось в депеше российского посланника в Австро-Венгрии М.Н. Гирса из Вены и других документах⁵.

Следует заметить, что такая национально-этническая атрибуция коренного населения Восточной Галиции не составляла тайны для широкой общественности стран Европы и России. Согласно принятой как в отечественной, так и в зарубежной науке вплоть до начала XX в. классификации, среди восточнославянского населения выделялись белорусы и малороссы, относимые тогда, наряду с великорусами, к русскому населению⁶. К малороссам относились и русины – коренное население «закордонной Руси», т.е. восточнославянских земель в составе Австро-Венгрии. Согласно всероссийской переписи населения 1897 г., например, русское население подразделялось на великорусов, малороссов, белорусов, а языки, соответственно, на великорусский, малорусский, белорусский. В австро-венгерских переписях, в том числе 1910 г., коренное восточнославянское население на основе родного языка обозначалось как русское, а их численность определялась в 3.2 млн человек⁷. Та же самая информация сохранилась во всех без исключения российских и австрийских официальных документах того периода. Ориентировались на нее и военные власти России при вступлении русских войск в Галицию в 1914 г. Уже через несколько дней после начала их успешного продвижения, 11 августа 1914 г., в штаб Юго-Западного фронта было направлено предписание МИД, где говорилось о необходимости предупредить относительно необходимых мероприятий войсковые части, что население занимаемых областей Галиции и Буковины «состоят в большинстве из русских», в связи с чем нужно особенно гуманное отношение к мирным жителям, а также пленным, среди которых могло быть немало славян⁸. Немногочисленные украинские авторы конца XIX – начала XX вв., деятельность которых носила скорее общественно-политический, нежели научный характер, также писали о русинах-малороссах, считая их, однако, украинцами⁹. Украинские же советские авторы относили Восточную Галицию к западноукраинским землям, а ее коренное население – к украинцам, избегая термина «русины» и заменяя его обычно на «галичане»¹⁰.

Еще до разделов Речи Посполитой польские католические круги при поддержке правящих «верхов» стремились обратить основную массу православного населения, в том числе и в Галиции, в унию с целью их последующего окатоличивания и полонизации. Эта тенденция продолжилась затем и в Австрийской Галиции. Однако переход бывших православных в униатов, сохранявших во многом внешнюю обрядность православия вплоть до Первой мировой войны, неодинаково воспринимался различными слоями униатского духовенства и паствы Галиции. Если высшее униатское духовенство, тесно связанное с польскими общественно-политическими и религиозными (католическими) кругами и во многом зависевшее от них, стремилось укрепить позиции униатства и максимально приблизить его к католицизму, то широкие массы крестьян-униатов и низшее духовенство (мало чем отличавшееся по социальному положению от крестьян) тяготели к православию. В документах отмечается, что хотя официально галицкие русские и относились к униатам, «простой народ считает себя православным»¹¹. В связи с этим весьма интересно послание обер-прокурора Святейшего Синода Русской православной церкви В.К. Саблера министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 17 декабря 1913 г. под грифом «весьма секретно», где он просит оказать материальную помощь православным священникам и иеромонахам в Галичине и Угорской Руси, подчеркивая, что там «движение от унии к православию идет быстрыми шагами вперед, а следовательно, растет и потребность в священниках»¹². Об этом же неоднократно свидетельствовал накануне войны в своих записках в МИД России Бобринский. Он подчеркивал, что «за последние десять – тридцать лет многие села и даже округа Галичины и Угорской Руси открыто порвали с унией и вернулись

в лоно Православной церкви»¹³, а старшее поколение униатского духовенства «явно тяготеет к православию»¹⁴. Униатское же население Лемковщины (историко-географическая область в Западной Галиции) «сплошь готово перейти в православие, ... как только будет достаточно священников»¹⁵. Высшее же униатское духовенство во главе с епископом графом А. Шептицким с одобрения Вены стремилось остановить этот процесс¹⁶. При этом в Галиции «православие преследуется беспощадным образом, ни во Львове, ни в Галиции нет ни одного православного храма»¹⁷ (очевидно там только небольшие церкви). Тенденция к религиозному единению русинов с Россией проявилась с особой силой после начала в 1914 г. Первой мировой войны и вступления русских войск в Галицию.

Самым интересным и, можно сказать, ключевым для раскрытия темы настоящего сообщения являлся вопрос об украинофилах и их политических организациях в Галиции. Из документов МИДа следует, что понятие «украинофил», «украинец» возникло в Галиции и Буковине во второй половине XIX в. Украинофильство, украинство выросло из украинофильского литературно-культурного течения конца 1860-х гг., не имевшего сколько-нибудь прочного влияния в крае, но созданного и использованного политиками Вены и польскими политическими деятелями в своих целях. Украинофильское политическое течение было инспирировано австрийскими властями при поддержке польских политических кругов с целью «обособить русских в Галиции и Буковине от их единоплеменников в соседней империи», т.е. в России. В секретной записке коллежского асессора П. Казанского от 11 августа 1913 г. о русском влиянии в Галиции говорилось, что центральная австро-венгерская власть «искусственно создала и поддерживает среди малороссов так называемую украинскую партию. Образовавшаяся из чисто литературного направления, питавшегося несбыточной мечтой о воссоздании старой «самостийной» Украины, партия украинцев, благодаря субсидиям венского правительству, превратилась в XX столетии в сильную политическую организацию, располагавшую газетами, книжными магазинами, множеством народных читален и сельских кооперативных учреждений. При помощи своих сельских учреждений украинская организация привлекла на свою сторону многих малороссов-крестьян, а в последнее время начала производить даже попытки распространить свои политические утопии в наших малороссийских губерниях». Австро-венгерское правительство произвело «раскол среди малороссов образованием украинства, одинаково враждебно относящегося к полякам и России»¹⁸. Все дело народного просвещения оно передало «в руки поляков и украинцев», причем преподавание русского языка повсеместно отсутствовало¹⁹. Относительно же создаваемого украинского литературного языка в Галиции в документах отмечалось, что в нем грамматическое правописание (весьма близкое к русскому литературному языку) заменено фонетическим и существуют планы перехода правописания с кириллицы на латиницу²⁰.

Этому созвучны и сведения о культурно-литературном украинофильстве, приводимые русским филологом В.И. Кельсиевым, посетившим Галицию в середине XIX в. До своего приезда в Галицию он, по собственному признанию, был «искренним украинофилом», но в ходе посещения края кардинально изменил свои убеждения. Кельсиев считал, что если убрать польское и немецкое влияние, язык русинов «сведется прямо на язык наших летописей и будет разниться от северных русских наречий только произношением некоторых гласных»²¹. По его мнению, североруссы и малорусы находятся «в том периоде, когда могут слиться и разделиться без особых усилий. Но нужно ли и стоит ли разделяться?»²² Наоборот, представители польских политических кругов требовали очистить язык русинов в Галиции от всякого москальства, русскую азбуку изгнать из школы, «а ввести латинскую и писать тем языком, которым народ говорит, с соблюдением всех особенностей его произношения»²³. Украинофилы, в свою очередь, тоже считали, что, поскольку население края не знает русского «книжного» языка, то нужно придерживаться принципа: пиши – как слышишь, произноси – как читаешь, т.е. принять фонетическое правописание²⁴. При этом украинство в Галиции сводилось ими к отрицанию московского, исключительно великорус-

ского славянофильства²⁵. В итоге, подчеркивал Кельсиев, «украинство есть отрешено от истории во имя ультрачистоты провинциального говора. Оно... отрицает прошедшее южнорусского народа и отрезывает его не только от нас, но и от всего славянства»²⁶. Очень интересно следующее его признание: «Из языка хохлов так же легко создать особый язык, как из языка пошехонцев, богомазов, архангельских кровельщиков и т.д. и т.д., создать особое наречие. Назначьте мне любой великорусский уезд, – через полгода я разовью вам наречие этого уезда в особый литературный язык, ничем не похожий на наш общерусский»²⁷. Таким образом, язык русинов XIX – начала XX вв. не давал оснований считать их украинцами в современном понимании этого слова.

Единственным органом украинофилов в Галиции был журнал «Мета», который выходил только в 1865 г. Как считал Кельсиев, в нем не было ни единой дельной статьи, а последователи украинофильства в Галиции – это, по большей части, недоучившиеся студенты и гимназисты. В Галиции «украинофильство есть, а идеи украинофильской нет, да и быть не может», – заключал он²⁸. «Ни в кои веки Малороссия не встанет против Русского государства, как ни в кои веки Прованс не отделится от Франции»²⁹. Украинофильство, рассуждал Кельсиев, «явилося в Галичине в образе повстанцев, католиков и шляхты, студентов, которые кричали о союзе Руси с Польшей и которые думали влиять на здешних священников восстановлением унии. Уважение они к себе потеряли и доверие утратили»³⁰.

Интересно, что советские украинские авторы 80-х гг. XX в., в свою очередь, отмечали, что и после формирования отдельных восточнославянских языков сохранялась структурно-семантическая близость в их дальнейшем развитии, а в развитии лексики процессы конвергенции (сближения) преобладали над процессами дивергенции (расхождения). При этом ведущую роль в развитии общих тенденций выполнял русский язык, т.е. сохранялись все те же традиции XIX в., о которых и говорил Кельсиев³¹.

Документы свидетельствуют, что развитие украинского литературного течения в культурно-политическое в конце XIX в. было связано с именем М. Грушевского – русского подданного на австрийской государственной службе, вложившего много сил и личных средств (он имел, в частности, и значительные доходы от научной деятельности в России) на развитие украинской идеи в Галиции³². В депеше российского посланника М.Н. Гирса из Вены от 22 июня (5 июля) 1911 г. читаем: «Украинское движение (политическое. – В.С.), как известно, возникло в Австрии в начале 80-х годов, причем оно, собственно говоря, было занесено туда из России, но в Австрии, поддерживаемое, с одной стороны, правительством как средство бороться против польского влияния, с другой стороны, теми же поляками как противовес могущему возникнуть русскому движению и как способ получить влияние в русской Украине»³³. Другие предвоенные документы свидетельствуют о том, что мазепинцы (т.е. малороссы украинской ориентации) в Галиции получали указания и значительные субсидии из фондов австрийского и германского правительств и даже из России³⁴.

Насколько же сильны были позиции украинофилов в Галиции накануне войны? Их социальную базу составляли, прежде всего, интеллигенция и высшее униатское духовенство. В среду крестьян, абсолютно преобладавших среди русинов, оно лишь начинало проникать³⁵. Бобринский, например, в связи с этим писал: «И можно считать, что ныне две трети интеллигенции исповедуют (отчасти искренне, отчасти притворно) украинское учение и лишь одна треть осталась верной исконным началам русского народа и неразрывно с ним связанной Православной веры»³⁶. Ему вторил корреспондент «Нового времени» в Вене Д.Г. Янчевский, который сообщал в письме от 9 мая 1913 г.: «Некоторые видные мазепинцы прямо заявляют, что они станут русскими, лишь только увидят в Галиции (представителя. – В.С.) русского языка»³⁷. Составители докладной записки Бобринского о ситуации в Галиции свидетельствовали, что «Янчевский верно подметил настроение многих вождей украинства, людей своекорыстных и продажных». При этом они отмечали: «Как ни искусственно и ни по-

верхностно украинство Восточной Галиции и Буковины (в Лемковщине и в Угорской Руси украинства пока совершенно не существует), все же мы не можем к нему оставаться равнодушным, так как оно питает такое же болезненное движение среди радикальной интеллигенции и даже среди части духовенства нашей Малороссии». Считая мечту о «самостийной» или даже автономной Украине, проповедуемой в Австро-Венгрии, «бесмысленной фантазией», составители записки были уверены, что «украинское мазепинство и у нас в России приносит много вреда, губит много молодых сил и ослабляет мощь единого русского народа». Указывалось также, что в Австро-Венгрии сильно рассчитывали на украинскую идею в России в случае войны. При этом отмечалось: «Мы положительно утверждаем, что украинство почти не коснулось крестьянства. Для карпато-русского крестьянина австро-венгерский император является временным обладателем... В его сознании Белый Царь есть его природный русский и православный государь». Авторы записки свидетельствовали, что даже украинские агитаторы называют своих крестьян «руськими людьми», «руським народом», не решаясь произносить слово «Украина» или «украинский». «Имя же Мазепы в Галиции, как и в нашей Малороссии, – писали составители, – у крестьян служит синонимом негодяя или хриstopродавца... Для нас, близко знающих Прикарпатье, совершенно очевидно, что подавляющее большинство крестьян стоит и будет стоять за русское единство... И беспокоит нас не крестьянство. Нам страшно за интеллигенцию, а без образованных русских людей и крестьянство через какие-нибудь 30–50 лет погибнет для русского дела»³⁸.

Интересно отметить, что при вступлении русских войск в Галицию в 1914 г. военные констатировали: «Будучи лишь орудием, созданным венским правительством, и не имея никаких реальных оснований в русском населении Галиции, украинство, по видимому, замрет само собою, если мы не допустим, чтобы его питали поляки»³⁹. В связи с этим очень важны сведения, приводимые начальником Бродского уезда Восточной Галиции Б.Н. Евреиновым в одном из его писем от 30 апреля 1915 г.: «Из моих разговоров с крестьянами я мог усвоить лишь то, что они никаким образом представления не имеют о сущности украинства, или мазепинства»⁴⁰. С началом войны началась усиленная политическая деятельность «украинцев». Они призывали всех малороссов к восстанию против России, образовывали «сечевые» и «стрелецкие» отряды, вошедшие в состав австро-венгерской армии. К украинским политическим организациям военными властями предписывалось непримиримое отношение. Следует, однако, сказать, что российские власти и тогда отнюдь не выступали против признания местного наречия как такового, в устной или письменной форме. Более того, «местное малороссийское наречие» было допущено российскими властями к использованию на официальном уровне. Речь идет о созданном в довоенный период на основе «местного малороссийского наречия», местного «украинского литературного языка», или «украинской мовы»⁴¹, распространение которой было тесно связано с идеями украинифильства, неприемлемого для российских властей.

Помимо проавстрийской ориентации, был в украинифильстве еще один компонент, который не устраивал российские власти, – социальный радикализм, связанный с притязаниями галицийских крестьян на крупную польскую земельную собственность, которые поддерживали украинифилы. В Петербурге считали, что «украинифильская партия – это социал-революционный очаг на нашей границе»⁴². При этом, согласно документам МИДа, социальная угроза для устоев российской государственности со стороны порубежного украинифильства дополнялась национально-политической: «Партия эта своею деятельностью, направленной к развитию украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии»⁴³. Более того, галицкое украинифильство прямо начало «производить даже попытки распространить свои политические утопии в наших малороссийских губерниях». «Оно питает такое же болезненное движение среди радикальной интеллигенции и даже среди части духовенства нашей Малороссии»⁴⁴. Поэтому, исходя из того, что в Австро-Венгрии рассчитывали на украинское движение в России в случае вой-

ны с последней, у российских властей было твердое убеждение в том, что, поддерживая русское дело в Галичине, «мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса государственного воссоединения с нами Червоной Руси»⁴⁵.

Остается заметить, что советские авторы квалифицировали украинофильское движение как национально-освободительное, а противодействие ему со стороны российских властей – как проявление великорусского шовинизма.

Что касается русской идеи в Галичине, то она имела свои исторические корни. Еще в XIX в. там сложилось культурно-политическое течение, получившее название «русофильство», или «москвофильство», и обозначаемое в документах как Русская партия. Документы говорят о том, что Русская партия возникла на основе естественного русофильства населения Галицкой Руси. Более или менее отчетливо как политическое течение она проявила себя с зарождением национальной интеллигенции, связывавшей национальные интересы русинов с Россией. В отличие от украинфилов, русское движение придерживалось в целом умеренно-реформистских взглядов на социально-политическое развитие общества и твердо ориентировалось на «национальное и культурное единство всех трех русских племен – велико-, бело- и малорусского»⁴⁶. Развитие движения такой политической ориентации в Галиции вполне отвечало как социально-политическим интересам российских правящих кругов, так и задаче обеспечения национально-государственных интересов России в регионе. На август 1913 г., согласно источникам, «численность Русской партии определить довольно трудно, но с вероятностью следует предположить, что в настоящее время приблизительно половина малороссийского населения Галиции принадлежит или сочувствует Русской партии, остальные малороссы примыкают к украинцам и полякам»⁴⁷. (Во многих других документах подчеркивается русофильство подавляющего большинства крестьян, составляющих абсолютно преобладающую массу населения Галиции⁴⁸. В пользу достоверности этих сведений говорит и обширная дореволюционная научная и общественно-политическая литература.) Русофильская партия включала примерно третью часть интеллигенции русинов, которая не примкнула к украинофилам и «осталась верной исконным началам русского народа и неразрывно с ним связанной Православной веры. Но эта треть, страшно угнетаемая властями, нравственно гораздо сильнее украинцев, ибо в своих руках она естественно собрала все, что сильно духом и убеждением, все, что независимо и неподкупно. Старшее поколение униатского духовенства – сплошь в Русской партии и явно тяготеет к православию»⁴⁹.

Почти со времени своего возникновения Русская партия стала субъектом и объектом политической борьбы в Галиции. Ее стремление обеспечить признание за русинами права на самостоятельное национальное развитие в соответствии с исторической традицией с самого начала встретило противодействие со стороны польских политических кругов, рассматривавших русинов как часть «исторической польской народности». Как следует из документов, после краковских событий 1846 г. (польское восстание) австрийские правящие круги признали выгодным для себя не противодействовать национально-культурному развитию карпато-русинов Галиции в противовес идеям восстановления независимой Польши. Однако с середины XIX в. Вена сочла опасным для Габсбургской монархии «духовное и племенное родство такого многочисленного населения... с Россией». Поэтому австрийское правительство при поддержке польских политических кругов создало из слабого украинофильского культурно-литературного течения мощную украинофильскую политическую партию. По мере усиления последней польские «верхи» сочли выгодным для себя путь «более терпимого отношения к Русской народной партии». Однако русское движение «получило благодаря поддержке из России и присутствию во главе его способных деятелей, как Марков и Дудыкевич, большое развитие и вызвало опасение как со стороны поляков, так и со стороны австрийского правительства». Последнее, видя в нем проявление «русского ирредентизма», прибегло «к самым строгим репрессивным мерам». Поляки же поддержали в этом венское правительство, опасаясь усиления русских. При этом им удалось договориться «с более умеренной русской группой», объ-

единявшейся вокруг газеты «Галичанин», которая была готова удовлетвориться признанием прав русской национальности в Австрии и «отделить ее от остальных русских». Другая, большая часть Русской партии, группировавшаяся вокруг газеты «Прикарпатская Русь», была более радикальна в вопросах национального самоопределения и вела постоянную ожесточенную полемику с «Галичанином». «Таким образом, русские в Галиции, разъединенные между собой, не могли устоять против натиска правительства, поляков и украинцев, и им удалось провести всего одного депутата в Рейхсрат». Но поражение это не могло «уничтожить русского движения в Галиции, являющегося результатом естественного пробуждения национального чувства среди русского населения. Наоборот, оно может привести к его усилению и большей сплоченности, так как русские люди убедятся, что им следует рассчитывать только на себя и на поддержку из России»⁵⁰, – писал накануне войны российский посланник в Австро-Венгрии Гирс.

Российская общественность и в начале XX в. была крайне слабо осведомлена о препетиях социально-политической и национально-культурной борьбы своих соплеменников за национальную самобытность в Галиции. Лишь после посещения края в 1910-х гг. российскими общественно-политическими деятелями во главе с Бобринским в Петербурге было учреждено Русско-галицкое общество и началась материальная (денежные субсидии) и моральная (меры культурно-просветительного характера) поддержка местного русского культурного течения. Впрочем, она была довольно ограниченной по сравнению с австрийской помощью украинофилам. Тогда же был отмечен и подъем культурной деятельности Русской народной партии. Газета «Прикарпатская Русь», основанная в 1909 г., печаталась на русском литературном языке и была рассчитана на интеллигенцию, тогда как еженедельник «Голос народа» выходил на галицком наречии, но с этимологическим правописанием и пользовался большей популярностью, так как был рассчитан на крестьян. Издавалась и еженедельная народная газета «Лемко» в Западной Галиции на Лемковщине. Этот небольшой край, свидетельствуют документы, «с двумястами тысяч жителей является оплотом русского дела в Галиции – тут украинцев можно пересчитать по пальцам – это несколько священников и учителей»⁵¹. В Восточной Галиции возникло также несколько культурно-просветительных обществ: Общество Качковского, свыше 1 000 народных русских читален в деревнях, Ставропигийский институт и Русский народный дом во Львове⁵². При этом отмечалось, что «в галицких деревнях в последние годы начали основываться и успешно развиваться различные русские кооперативы... и другие товарищества. Кооперативы эти имеют большое влияние на крестьян»⁵³. Однако средств для развития русских культурных и экономических организаций не хватало (хотя югославам, например, для национально-культурной поддержки из России поступали громадные суммы)⁵⁴. В то же время украинские кооперативы, субсидируемые австро-венгерским правительством, «благодействовали и вербовали новых членов». Помимо значительной помощи, полученной из Германии на выборы, у австро-венгерских властей существовали легальные и секретные фонды для поддержки украинофилов⁵⁵. Таким образом, национально-политическая борьба в Прикарпатье, как и везде в Австро-Венгрии, шла на двух поприщах – культурно-просветительском и экономическом.

Украинские авторы того периода как в России, так и в Галиции, в свою очередь, отмечали польско-украинское соперничество в Восточной Галиции. Развитие украинства они тесно связывали с униатской церковью как «национально-украинской»⁵⁶. Считая украинцами всех русинов, украинские авторы проецировали историю украинско-польских отношений на всю историю отношений русинов и поляков в Галиции, а украинские политические партии рассматривали как национальные партии украинского народа в Галиции. Русские же (москвофильские) политические организации украинские авторы считали анахронизмом, негативно характеризуя их деятельность в крае⁵⁷. Украинские же советские авторы, в свою очередь, рассматривали коренное население края как украинское и уже практически не употребляли термин «русины».

Они, по сути, завершали начатую их предшественниками 1900-х гг. подмену украинского политического движения украинской национальной атрибуцией, а исторически сложившееся национально-культурное русофильство русинов сужали до политического (москвофильского), причем характеризовали последнее исключительно как негативное явление, находившееся под влиянием российской реакции. Украинское же политическое движение, согласно советским украинским авторам, было буржуазно-либеральным и перед Первой мировой войной «перерастало в реакционное буржуазно-националистическое»⁵⁸.

Во всех рассмотренных выше предвоенных документах российского МИДа подчеркивалось, что речь тогда могла идти только о культурно-просветительной и экономической поддержке русского населения Галиции и Буковины. «Конечно, мы не должны и не можем официально поддерживать это движение, ни развивать среди населения надежды на отделение от Австрии», – писал Урусов. «Иначе при теперешней политической обстановке может только пострадать от преследований австрийского правительства русское население»⁵⁹, – вторил ему Гирс. Несмотря на то, что Россия, безусловно, была заинтересована в сохранении и развитии русофильства в пограничных территориях Австро-Венгрии, в документах нигде не прослеживается намерения правящих кругов России к объединению «всех русских земель» или обеспечению торжества русской идеи в австрийской Галиции. Хотя в России никогда не угасала память о древнерусском наследии в Карпатах⁶⁰, документы говорят в пользу того, что и в 1910–1913 гг. у Петербурга не было (и не могло быть) планов присоединения Восточной Галиции к России. Россия не была еще готова к войне с Центральными державами и не желала обострения отношений с Веной из-за Галиции⁶¹. Российский МИД колебался в определении своей позиции по галицийскому вопросу. Похоже, перспективы территориального переустройства в восточноевропейском регионе застали его врасплох⁶².

Примечания

¹ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 33.

² Советские и современные авторы считают их украинцами.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 135, оп. 474. 1863–1917. Особый политический отдел, д. 156/89, л. 1–3.

⁴ Там же, д. 152/118, л. 5–16.

⁵ Там же, д. 156/89, л. 4; Казанский П. Современное положение Червоной Руси. Одесса, 1914.

⁶ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания (под ред. С.Н. Южакова). Т. 15. СПб., 1900. С. 421; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 47. СПб., 1889. С. 458; Соболевский А.И. Русский народ как этнографическое целое. Львов, 1911. С. 12 и др.

⁷ Podręcznik Statystyczny Galicji. Lwów, 1913. IX Cz. II.

⁸ АВПРИ, ф. 135, оп. 474, д. 159/21, л. 2–3.

⁹ См., напр.: Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915. С. 1–28.

¹⁰ См.: Макачук С.А. Этносциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983; Сема В.П. Трудящиеся Восточной Галиции в борьбе за власть Советов (февраль 1917 – сентябрь 1920). Киев, 1984; Литвин Н.Р. Борьба за установление власти Советов в Восточной Галиции (ноябрь 1918 – сентябрь 1920). Одесса, 1985; Сухый А.К. Влияние российского революционного движения на общественно-политическую жизнь Восточной Галиции (1900–1914 гг.). Львов, 1985.

¹¹ АВПРИ, ф. 135, оп. 474, д. 156/89, л. 1.

¹² Там же, д. 155/117, л. 41.

¹³ Там же, д. 152/118, л. 7; 155/117, л. 63.

¹⁴ Там же, д. 152/118, л. 18.

¹⁵ Там же, л. 27.

¹⁶ Там же, д. 156/89, л. 3.

¹⁷ Там же, д. 155/117, л. 14.

¹⁸ Там же, л. 9–13.

¹⁹ Там же, л. 16.

²⁰ Там же.

- ²¹ Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб., 1868. Изд. 2. 1876. С. 42.
- ²² Там же. С. 15.
- ²³ Там же. С. 51.
- ²⁴ Там же. С. 76.
- ²⁵ Там же. С. 71.
- ²⁶ Там же. С. 69.
- ²⁷ Там же. С. 72.
- ²⁸ Там же. С. 74.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 58.
- ³¹ Бурячок А.А. Формирование общего фонда социально-политической лексики восточнославянских языков. Киев, 1984. С. 10–47.
- ³² АВПРИ, ф. 135, оп. 474, д. 152/118, л. 12.
- ³³ Там же, д. 156/89, л. 4.
- ³⁴ Там же, д. 152/118, л. 11.
- ³⁵ Там же, д. 156/89, л. 1–3.
- ³⁶ Там же, д. 152/118, л. 17.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, л. 18–23.
- ³⁹ Там же, д. 159/21, л. 33–34.
- ⁴⁰ Там же, л. 183.
- ⁴¹ Там же, л. 4.
- ⁴² Там же, д. 156/89, л. 3.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же, д. 152/118, л. 18.
- ⁴⁵ Там же, л. 19.
- ⁴⁶ Там же, д. 156/89, л. 2.
- ⁴⁷ Там же, д. 155/117, л. 18–19.
- ⁴⁸ Там же, д. 152/118, л. 22.
- ⁴⁹ Там же, л. 18.
- ⁵⁰ Там же, д. 156/89, л. 5.
- ⁵¹ Там же, д. 152/118, л. 25–27.
- ⁵² Там же, д. 155/117, л. 19–20.
- ⁵³ Там же, л. 21.
- ⁵⁴ Там же, л. 24.
- ⁵⁵ Там же, д. 152/118, л. 9–10.
- ⁵⁶ Грушевский М. К польско-украинским отношениям в Галиции. I–IV. Киев, 1905. С. 109.
- ⁵⁷ Галичина, Буковина, Угорская Русь. С. 117–124.
- ⁵⁸ Макаруч С.А. Указ. соч.; Сухый А.К. Указ. соч.
- ⁵⁹ АВПРИ, ф. 156/89, л. 3, 6.
- ⁶⁰ Там же, д. 152/118, л. 8–10.
- ⁶¹ Там же, д. 156/89, л. 3, 6.
- ⁶² Последующие этапы российской политики в Галиции рассмотрены автором в статьях: Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечественная история. 2002. № 5; Восточная Галиция в 1916–1920 гг. (этнополитическая ситуация в крае) // Отечественная история. 2004. № 2.